

РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. В. Григорьев

НОВАЯ КНИГА О ТВОРЧЕСТВЕ АВВАКУМА (ТУФАНОВА О. А. ТВОРЧЕСТВО АВВАКУМА: ПОЭТИКА ТРАГИЧЕСКОГО. М.: КОМПАНИЯ СПУТНИК+, 2007. – 143 с.)

Впервые изданные в XIX в. труды протопопа Аввакума — «Пушкина семнадцатого века», по выражению епископа Виссариона¹, — из года в год продолжают вызывать неослабевающий интерес лингвистов и литературоведов.

В рецензируемой монографии Ольги Туфановой выявляется специфика изображения трагического в творчестве протопопа Аввакума на примере анализа темы гибели веры. Важно, что автор привлекает для исследования все творчество Аввакума. Это не только определяет новизну работы, но и позволяет сделать вполне объективные выводы.

Своей монографии О. А. Туфанова предпосылает вводную часть «Творчество Аввакума в исследовательской традиции», в которой обнаруживает знакомство с обширной литературой вопроса, как с классическими трудами В. В. Виноградова и Д. С. Лихачева, так и с появившимися в последнее десятилетие работами Д. С. Менделеевой, Т. А. Таяновой и др., что представляется весьма ценным.

В части исследования О. А. Туфанова изучает способы создания трагической экспрессии, выявляя и анализируя ведущие трагические мотивы, сквозные трагические символы и образы. Способы изображения трагического анализируются с помощью скрупулезного филологического комментирования и корректного семантического анализа. О. А. Туфанова показывает, что определенные мотивы и символы проявляются в текстах Аввакума через ряд антитез (мотив низвержения старых святынь), экспрессивные повторы (мотив омрачения ума, мотив голода и смерти), метафорические эпитеты и прямые авторские высказывания (мотив гибели), сопряжение определенных слов (мотив трудности пути), гиперболизацию (мотив активности бесноватых) и др.

Большое место в монографии уделено анализу сквозных трагических символов. О. А. Туфанова вполне обоснованно разделяет данные символы на две группы.

К первой группе относятся символы, указывающие на истинное трагическое, связанное с реформой Никона и охватывающее все слои населения, — символы «зимы еретической», «бед адových», огня и плача (Часть III, главы 7–10 монографии). По мнению О. А. Туфановой, данные символы помогают отразить общее конкретно-историческое состояние мира времен раскола. С этим вполне можно согласиться. Вызывает определенный интерес анализ символов «зимы еретической» и плача. О. А. Туфанова показывает, что зима — это не только трагическое время года, в которое люди терпят страдания, лишения и нужду, зима является символом, который используется для характеристики церковных нововведений, указывает на

---

¹ Лукаш И. С. Боярыня Морозова // Церковь. 1990. Б. н. С. 82.

страдания несогласных с ними, на мученическую гибель старообрядцев и др. При этом О. А. Туфанова справедливо отмечает, что зима и в других произведениях древнерусской литературы является символом бедствий, безбожия и ереси. Подробно проанализирована и символика плача в творчестве Аввакума. Как показано О. А. Туфановой на примере анализа многочисленных контекстов, плач выполняет у Аввакума различные функции, являясь средством искупления вины, очищения от грехов, средством спасения себя и мира в целом, проявлением радости после исцеления и чувства восхищения делами Бога. Обоснованным представляется выделение О. А. Туфановой антитезы «плач—вопли» в текстах Аввакума. Вполне корректным видится семантический анализ слова *бедный* при рассмотрении символа *беда*.

Вторая группа символов — «беды внешние» и «беды внутренние», указывающие на наличие лично трагического в творчестве Аввакума, — анализируется в 11-й и 12-й главах III части монографии. Как объясняет О. А. Туфанова, «внешние беды», согласно Аввакуму, постигают человека, который изменяет старой, истинно православной вере. Жизнь такого человека омрачается вмешательством бесов, готовых уничтожить христианина. Понятие «внешние беды» включает «бесовские игрушки» (неодушевленные предметы приобретают свойства живого существа и устрашают подвижника), нападение бесов на никониан и их мучения, что подчеркивает трагизм происходящего. Понятие «внутренние беды», раскрывающееся через взаимосвязь определенных мотивов, имеет широкое семантическое наполнение, включая душевные сомнения, слабости и внутренние конфликты героев. Как верно указывает О. А. Туфанова, во фрагментах текста, в которых изображаются внешние и внутренние беды, отражено общее представление Аввакума о трагизме жизни человека в эпоху раскола церкви.

В IV части монографии в сопоставлении с житийной и библейской традицией рассматриваются трагические образы эпохи — образы бесноватых, больных и мучеников за веру. Справедливо отмечается, что наличие в творчестве Аввакума данных образов отражает трагическое миропредставление Аввакума, обусловленное неприятием церковных реформ.

В целом исследование О. А. Туфановой, в котором представлен корректный анализ творчества Аввакума с большим количеством иллюстративного материала и убедительными выводами, производит весьма благоприятное впечатление.

Вместе с тем в некоторых случаях в работе наблюдается излишнее, на наш взгляд, стремление доверять выводам, которые содержатся в работах исследователей творчества Аввакума.

Так, например, соглашаясь с мнением В. А. Мякотина, что «все изменения церковной обрядности понимались им (Аввакумом. — А. Г.) как заимствования от иностранцев»², О. А. Туфанова выделяет в творчестве Аввакума «мотив иностранщины», при этом вполне справедливо отмечает: «Спасительное русское православие противопоставляется в произведениях Аввакума губительной иноземной ереси» (С. 52). На наш взгляд, очевидно, что акцент автору рецензируемой монографии здесь следовало бы сделать на слове *ересь* в исконно древнерусском значении «религиозное учение, содержащее отклонение от догматов православной церкви»³, указав, что в своих сочинениях Аввакум в первую очередь противопоставит ересям, а не иностранному влиянию как таковому, ведь истинное Христианство тоже пришло именно из-за границы Руси. Совершенно правильными представляются следующие идеи О. А. Туфановой, содержащиеся в этой главе: по Аввакуму, «правая вера сохранилась только в Московской Руси. Во всех других странах, в том числе и в Греции, православие уже давно искажено латинской ересью. Поэтому русское древнее православие приобретает характер единственно чистой истинной веры». В таком контексте главным все-таки представляется не национальная, как считает О. А. Туфанова, а религиозная принадлежность, о чем и идет речь в приводимых контекстах: «никонианинъ, новый жидовинъ» (жидовинъ — представитель иудаизма), «возми еретиковъ техъ... латынниковъ» (латынникъ — католик). О. А. Туфанова указывает, что «никониане творят всё “супротив” и “поперек” древнему русскому обычаю», однако из приводимых фрагментов видно, что речь идет об отклонении от догматов Церкви Христовой, сформировавшихся еще

² Мякотин В. А. Протопоп Аввакум. Его жизнь и деятельность // Протопоп Аввакум. Житие. М., 2002. С. 176.

³ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1. Ч. 2. Стб. 831.

в Византии: «все действо ихъ состоитъ... в супротивлении соборной и апостольской церкви», «во всемъ противныхъ и чуждыхъ древнему благочестию», «противными разуму Божию и Апостольскому преданию» (С. 49).

На с. 82 со ссылкой на работу Н. М. Герасимовой указывается, что, согласно библейской традиции, «собаки являются символом плохого», оттого-то и возникает сравнение с ними никониан⁴. Однако известно, что собака в Библии — это одно из главных ритуально нечистых животных, поэтому с собаками обычно сравниваются не столько плохие люди вообще, сколько грешники, язычники и вероотступники. Отсюда, безусловно, привлекаемое О. А. Туфановой сравнение чрезвычайно значимо, но его следует рассматривать именно в контексте противодействия еретикам, к числу которых Аввакум относил и последователей Никона.

Итак, исследование О. А. Туфановой, несмотря на высказанные нами незначительные замечания, представляется нам весьма интересным, опирающимся на большой иллюстративный материал. В исследовании вполне убедительно доказано, что специфика трагического у Аввакума включает в себя драматическое, героическое, возвышенное, ужасное, в тесном переплетении с обличительным пафосом.

---

⁴ Герасимова Н. М. Поэтика «Жития протопопа Аввакума». СПб., 1993. С. 28.

Р. Павлова

ИЗДАНИЕ БЕРЛИНСКОГО СБОРНИКА

(Хайнц Миклас, Лора Тасева, Мария Йовчева. Берлински сборник. Heinz Miklas, Lora Taseva, Marija Jovčeva. Berlinski Sbornik. София—Wien, 2006.)

В 2006 г. вышло ценное издание Болгарской и Австрийской академий наук «Берлински сборник». Книга подготовлена известными палеославистами Х. Микласом (Вена), Л. Тасевой (София), М. Йовчевой (София) и содержит текст среднеболгарского письменного памятника начала XIV в. (конца XIII — начала XIV в.?). В издании представлена не только пергаменная рукопись, хранящаяся в Берлинской Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz шифр Ms slav. Wuk 48 и известная в науке как Берлинский сборник, но и фрагмент (три листа), хранящийся в Санкт-Петербурге, в Российской Национальной библиотеке шифр Q.n.I.15 и составляющий часть рукописи Wuk 48. Авторы поставили себе задачу представить Берлинский сборник как письменный памятник, а не только как рукопись, и это объясняет тот факт, что утраченный текст сборника дополнен по рукописи XVI в. РНБ. Гильф. № 42. Отдельные дополнения сделаны и по Мелецкому сборнику XVI в., хранящемуся в Центральной Научной библиотеке Национальной Академии наук в Киеве, и по рукописи XV в. ГИМ. Син. № 531 и по рукописи XVI в. РГБ. Ф. 113. № 541. Таким образом, публикация дает возможность читателям познакомиться с полным текстом сборника, который, по мнению издателей, включал около 240 листов (в рукописи Wuk 48 сохранилось 138 листов). В результате исследовательской работы в вводной части делается справедливое заключение, что Берлинский сборник был изготовлен на западноболгарско-македонской территории¹.

---

¹ С рукописью в Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz Wuk 48 я работала лично. По моим впечатлениям, рукопись была написана в конце XIII — начале XIV в.

